

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

**ТЮРКСКИЕ
И
МОНГОЛЬСКИЕ
ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ**

**Текстологические
и культуроведческие
аспекты
исследования**

Москва
"НАУКА"
Издательская фирма "Восточная литература"
1992

О. В. ВАСИЛЬЕВА

НЕИЗВЕСТНАЯ ТУРЕЦКАЯ ПОВЕСТЬ XVII в.:
К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРЕЦКОЙ ПРОЗЫ

Для истории турецкой литературы, как и любой литературы с развитой рукописной традицией, большое значение имеет выявление круга памятников: чем он шире и полнее, тем точнее наши представления о литературном процессе. В настоящее время, когда в основном завершились коллекционирование и учет турецких рукописей, когда крупные хранилища имеют печатные каталоги и идет исследование отдельных произведений, трудно ожидать открытий рукописных памятников, которые заставили бы не только уточнить установившиеся в науке точки зрения, но и пересмотреть некоторые из них. Тем не менее такие случаи возможны, и, как нам представляется, обнаружение в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина рукописи "Сефер-бей-заденин хикайати"¹ и является одним из них.

Строго говоря, эту рукопись нельзя назвать находкой в полном смысле слова. Она была куплена в Стамбуле в 1892 г. профессором Петербургского университета Василием Дмитриевичем Смирновым², в 1893 г. поступила в Публичную библиотеку, в 1896 г. было опубликовано краткое ее описание [7, с. 38], однако она так и осталась неизвестной тюркологам.

На л. 1, подклеенном к верхней крышке переплета, находится описание рукописи (шифр: ТНС 140), составленное В.Д.Смирновым. Приведем текст его полностью:

"Сэфер-бей-задэнин хикайети (= "Повесть о Сэфер-бей-задэ") — эпический рассказ в прозе, в котором действие относится ко временам султана Османа, на какого, неизвестно, только, разумеется, не первого, так как местом действия служит Стамбульский квартал, называемый Кум-капы, и противоположная часть Галаты. Хотя язык рассказа сравнительно новый, но рассказ веден в духе старинных

¹ Заглавия в тексте нет. Однако на "титальном листе" имеется запись, сделанная тем же почерком, что и основной текст (приводим в транслитерации): "Şafer-bik-zâdânin hikâyeti dîmişdir. Bûna ukîyân î'arân nasîxata (?) ûlûr" — "Повесть о Сефер-бей-заде, так она называется. Друг, прочитавший ее, получит наставление".

² В.Д.Смирнов предпринял три поездки на Ближний Восток — в 1875, 1879 и 1893 гг., во время которых приобретал рукописи на рынках Стамбула и Бурсы по заказу Публичной библиотеки. Последняя поездка была наиболее результативной (75 списков сочинений разных жанров, в том числе 65 на турецком языке) [7, с. 14—15].

сказок, что делает рукопись любопытною со стороны изображения в ней турецкого быта и нравов под видом похождений героя этой, очевидно, весьма популярной повести. О популярности же ее свидетельствует множество в разных местах приписок о том, что тогда-то и там-то читалась эта книга; напр., на л. 47 verso сказано, что читалась в доме некоего Бақы-аги 12 зиль-кадда 1158 (= 6 дек. 1745 года); а иногда еще прибавляется, что она, эта книга, „очень понравилась“ (л. 2 v.). Местами же критическое удовольствие авторов заметок сопровождается довольно вульгарными угрозами по адресу тех, кто бы неодобрительно отозвался об этой книге (напр., л. 23 v. и 24 r.).

Рукопись написана на толстой серой бумаге, крупным и разгонистым почерком нэсхи, каким обыкновенно пишутся произведения, предназначенные для чтения в кофейнях, особливо по большим праздникам, в рамазан и курбанбайрам, по 17 строк на странице. Даты нет, но приблизительным указанием времени происхождения ее могут служить даты посторонних вышеозначенных приписок, из коих самая ранняя есть 1127=1715 год (л. 23 verso). Переплет оборван, и рукопись несколько разбита и потерта от частого, очевидно, употребления. Всего в ней 54 листа в четвертую долю“.

В.Д.Смирнов был прекрасным знатоком как турецкой палеографии, так и турецкой литературы. В своем кратком описании он, в сущности, наметил основные направления в изучении памятника — литературоведческое и палеографическое, т.е. исследование "Сефер-бей-заденин хикайати" как художественного произведения повествовательного жанра и как творения турецкой рукописной традиции. В.Д.Смирнов отметил и третий аспект изучения памятника — "социальный": его предназначение для определенной социальной группы читателей.

Обратимся к палеографическому аспекту. Размеры кодекса 21×15,5 см. Размер текста 15,5×9 см. Чернила черные. "Рукопись написана на толстой серой бумаге...". Пожалуй, в описании Смирнова это единственная неточность. Бумага хоть и толстая, но никак не серая, а скорее грязновато-кремовая, самая "обыкновенная", которую употребляли и в канцеляриях для деловой переписки (фирманы, письма), и для производства рукописной книги. Бумага эта европейская (вероятно, итальянская), изготовленная специально для Турции [6, с. 64, 123—124]; она обладает филигранями "три полумесяца" разных типов. В одном случае филигрань имеет контрамарку: буква В с большим четырехконечным контурным крестом над ней. В самом полном альбоме, посвященном "трем полумесяцам" [3, табл. 615], удалось обнаружить лишь вариант такой контрамарки, датированный 1726 г. Как отметил В.Д.Смирнов, самая ранняя приписка имеет дату 1127 г. хиджры (т.е. 1715 г.). Однако в настоящее время из-за повреждения бумаги эту дату можно прочесть и иначе — 1137 (ʾ вместо ʿ), т.е. 1724-25г. В любом случае рукопись можно датировать лишь приблизительно — первой четвертью XVIII в.

Почерк — "крупный и разгонистый" насх. Это удобочитаемый насх — "скоропись" с элементами почерка рыка. Листы 9, 20, 18—54 написаны другой рукой — еще более крупным насхом и весьма небрежно. На этих листах по 13 строк текста, размер 15,5×11 см, т.е. ширина на 2 см больше, чем в основном тексте, а длина та же. Вставки эти написаны на другой бумаге, аккуратно подклеенной к корпусу рукописи. На этих листах меньшим числом строк изложено содержание утраченных листов. Это наводит на мысль о том, что второй переписчик пользовался или сокращенным письменным вариантом, или устным. В пользу второго предположения свидетельствует неумение переписчика заранее скомпоновать текст на странице и такие языковые особенности вставок, как относительная краткость предложений и "экономное" написание букв (ش вместо س, ح вместо خ, ب вместо پ). На последнем листе рукописи по обеим сторонам треугольного колофона можно увидеть рисунки пером шестерых человечков. Два из них, судя по надписям, — главные герои — Сефер-бей-заде и Хюсн-шах. Они изображены стоящими с оружием в руках и с чалмами на головах. Высота рисунка — 8 см. Остальные четыре фигурки сделаны карикатурно, вполтину роста главных героев (4 см). Судя по одежде, три из них изображают женщин. Все рисунки, к сожалению, сильно повреждены: стерты изображения лиц (проявление религиозного фанатизма читателей).

На 37 страницах из 108 имеются пометы и приписки, выполненные разными почерками: дивани, насталиком, насхом. Большинство приписок датированы 1150—1160 гг. хиджры (1737—1757), что может свидетельствовать об особенно интенсивном "хождении" списка среди читателей в этот период.

"Зачитанность" рукописи проявляется не только в обилии приписок, но и в физическом состоянии: некоторые листы разорваны, верхние поля повреждены (ржавыми потеками) и частично утрачен текст приписок, обрез залит чернилами, в отдельных местах смазан текст, видны следы старой реставрации, переплет оборван. Этот переплет является типичным для XVIII в. оклеен бумагой с разноцветными разводами. Клапан отсутствует. При внимательном изучении можно заметить, что бумага была наклеена на более ранний, тоже покрытый бумагой переплет: темно-коричневый с маленьким, овальным, тисненым цветочком-крестиком в центре.

Обратимся к содержанию повести.

"У этого Сефер-бей-заде был прекрасный дом. Пара рабов была снаружи [во внешних комнатах], а внутри [на женской половине] — мать, две одалиски и две служанки-рабыни были у него. Время он проводил очень хорошо. А годами он приближался к сорока... В Стамбуле не было таких, кто бы не знал Сефер-бея-заде".

"Там, куда мы сейчас перенесемся, Сефер-бей-заде, освободившись от своих дел, вместе с тремя-четырьмя друзьями из своих близких каждый день, когда до азана оставался час, имел обыкновение... спускаться к пристани Ун Капаны, садиться в лодку и переправляться на другой берег".

Там приятели общались с богом, а "как только читали второй азан, они, не выпив и дирхема вина, вставали, возвращались на ту сторону и шли домой".

И вот однажды у пристани Ун Капаны, где было несколько цирюлен, Сефер-бей-заде увидел юношу лет 16—17. "На нем огненного атласа кафтан, на талии кушак... а за поясом кинжал... и нож, а руки его напоминают белое серебро". Этот юноша произвел сильное впечатление на Сефер-бей-заде, и на другой день он пришел в ту цирюльню, из которой вышел юноша. У мастера-брадобрея Сефер-бей-заде узнал, что молодца зовут Хюсн-шах, что у него есть только мать и что уже семь лет он живет при мастере как сын и наследник.

Сефер-бей-заде пожелал усыновить Хюсн-шаха. Он получает согласие матери юноши и его учителя, покупает всем дорогие подарки и приводит Хюсн-шаха к себе в дом. С этого дня начинается взрослая жизнь молодого человека. Новый отец усердно занимается его воспитанием: днем отводит в цирюльню учиться ремеслу, а вечером приучает сына приятно проводить время в обществе друзей и красавиц. Так в разгуле и разврате, перемежающемся свершением религиозных обрядов и питьем кофе, неспешно течет время. Но вот появляется героиня. Ее, так же как и других женщин, Сефер-бей-заде приводит в дом специально для сына.

"Ей было 25 лет. Она еще не рожала. Вышла замуж, через год-другой муж ее умер, больше замуж не выходила, так и жила". Имя ее не названо, к ней обращаются просто "ханым-эфенди". "Хюсн-шах за три-четыре месяца свиделся, наверное, с 50—60 женщинами. Однако, оттого что эта ханым-эфенди была чрезвычайно красива и кокетлива, он отдал свое сердце ей и так влюбился, что и не выразить [словами]". Красавица ответила ему взаимностью: "ведь в то время Хюсн-шаху по красоте не было равных в городе Стамбуле". "Таким образом, двадцать долгих дней эта ханым приходила вечером, уходила утром". И вот однажды "ночью Хюсн-шах и ханым, поев и выпив, изрядно опьянев, поспорили друг с другом. Хюсн-шах сказал: „Я красивее тебя". А ханым тоже: „Нет, я тебя краше", говорит". Ссора разгорелась, Хюсн-шах размахнулся и ударил красавицу, удар пришелся по горлу. "Горло женщины наполнилось кровью, кровь потекла из горла и носа". Сефер-бей-заде отошел от своих друзей и успокоил спорящихся. Женщина села в углу и произнесла такие слова: "За каплю крови, текшей из моего горла и носа, должна потечь кровь из твоей шеи". Сефер-бей-заде слышит эти слова и наутро закликает сына не встречаться более с ханым-эфенди.

Хюсн-шах заболел от тоски, Сефер-бей-заде развлекает его по-прежнему: днем они молятся, пьют кофе и вино, ночью встречаются с женщинами. Однако мысли Хюсн-шаха были с ханым-эфенди. "Днем и ночью он плакал в уединенных местах". И вот так прошло пять-десять дней. Настала пятница. Когда прочли азан, друзья были в цирюльне, они совершили омовение. Сефер-бей-заде и брадобрей отправились в мечеть, а Хюсн-шах немного задержался, так как у

него из носа пошла кровь и ему надо было умыться. Он привел себя в порядок, "открыл дверь цирюльни и видит, что у дверей стоит старуха, из-за пазухи она достала сверток с письмом, отдала сверток и сказала: „В следующую пятницу опять приду, от тебя ответ нужен". Это было письмо от ханым-эфенди, в котором она "слезами глаз своих" пишет о страданиях и раскаянии, просит прощения и приглашает к себе: "Теперь, мой от всей души любимый господин, мой султан, если хочешь меня [видеть], следуй за посланной женщиной и иди, увидишь дом твоей рабыни, а когда люди будут в мечети на вечерней молитве, окажи честь, приди. Если не придешь, этой вашей рабыне суждено погибнуть". Хюсн-шах был глубоко взволнован. В следующую пятницу у него опять из носа идет кровь, и он остается в цирюльне, а Сефер-бей-заде и брадобрей уходят в мечеть. Хюсн-шах выходит из цирюльни, видит старуху и следует за ней.

"На улице, [находящейся] за мечетью Мурад-паши, старуха подошла к большому дому, повернулась и сделала знак Хюсн-шаху, закрыла дверь и ушла". Хюсн-шах вернулся в цирюльню до прихода отца, а когда был прочитан призыв на вторую молитву, он испросил у Сефер-бей-заде разрешения переночевать у матери. Хюсн-шах отправился к ней, а жила она поблизости от мечети султана Ахмада, в квартале Каба Сакал. "Когда до вечера оставался час, Хюсн-шах поцеловал руку матери и ушел". Он пришел в указанный утром дом, за воротами он увидел сад и деревья, а также балкон с лестницей из 20—30 ступенек. Навстречу ему с лестницы спускалась ханым-эфенди. Встреча их была радостной. В это время Сефер-бей-заде, затосковав по сыну, отправился в мейхану³ выпить. Там он увидел юношу-армянина, присланного отцом купить вина. Сефер-бей-заде поведал юноше свою печаль. Тот же вспомнил, что видел днем Хюсн-шаха со старухой, идущих "на улицу, что находится напротив тюрьме Мюрад-паши, там есть дом одной женщины", а вечером Хюсн-шах опять шел туда же. Сефер-бей-заде усомнился в словах юноши и решил проверить, не в доме ли своей матери Хюсн-шах. Но его там не оказалось. Тогда юноша-армянин проводил Сефер-бей-заде до дома ханым-эфенди и получил за это два золотых. Сефер-бей-заде попытался открыть ворота, но это ему не удалось. "И тут ему вот что вспомнилось: у его приятеля была одна женщина. Ее звали Канлы Гевхер. „Кажется, ее двери по соседству", — сказал он и подошел к дверям". Канлы Гевхер была дома, она объяснила Сефер-бей-заде, как можно попасть к ханым-эфенди: через черный ход выйти в сад, где растет большое инжирное дерево, надо взобраться на него, а с него — на крышу соседнего дома, то есть дома ханым-эфенди. Сефер-бей-заде так и сделал и успел как раз вовремя: ханым-эфенди, напоив Хюсн-шаха, принялась его бить.

Далее следует очень подробное (на 10 страницах) опи-

³ Питейный дом.

сание вооруженной борьбы Сефер-бей-заде за жизнь Хюсн-шаха, происходившей на лестнице и в комнатах ханым-эфенди. В этой борьбе Сефер-бей-заде проявил чудеса героизма, уложив несколько членов шайки, расположившейся в доме ханым-эфенди.

Так был спасен Хюсн-шах. Ханым-эфенди побеждена и молит о пощаде. Сефер-бей-заде клянется: "Я тебя не убью ни в твоём доме, ни в моём доме, ни в каком-либо другом месте". Сефер-бей-заде попросил принести еды и вина и показать ему "казну". Ханым-эфенди пришлось отдать "кошелек с четырьмя тысячами французских золотых отцовского наследства". Кроме того, Сефер-бей-заде взял "золотых вещей тысяч на четыре-пять", а из шкафа взял собольи шкурки. Потом он нарушил свою клятву и убил ханым-эфенди и двух ее слуганок.

Сефер-бей-заде и Хюсн-шах распрощались с матерями и уехали в Египет. Там они занялись торговлей. Прошло шесть лет. "За эти шесть лет они получили прибыль в 15—20 кошельков⁴. Раньше еще 60 кошельков было, да 20, [приобретенных] в Египте, стало 80 кошельков... Они снова приехали в Стамбул, нашли своих матерей здоровыми, затем на Египетском рынке приобрели пару лавок, поместили там привезенный товар и стали торговцами Египетского рынка".

"Сефер-бей-заде и Хюсн-шах взяли по одной девушке-мусульманке, кроме того, у Сефер-бей-заде было две-три служанки и два-три раба... Эти Сефер-бей-заде и Хюсн-шах, живя, как отец с сыном, развлекались и веселились в этом лживом мире и в свое [положенное] время умерли... Неизменный и изменчивый мир их изгнал, и они отправились в путь к своему вечному пристанищу и ушли. Лишь этот расказ оставил нам память о них..."

Так заканчивается эта полная драматических событий история.

Попытаемся рассмотреть такие важные для изучения художественного произведения вопросы, как место и время действия, время создания повести, ее герои, автор и читатель.

Место действия — европейская часть Стамбула по обеим сторонам бухты Золотой Рог, упоминается также Египет. Основное действие протекает в кварталах старого Стамбула. Названы Кум Капы ("Песчаные ворота" — ворота, ориентированные с запада на восток) — здесь живет Сефер-бей-заде; пристань Ун Капаны на южном берегу Золотого Рога — здесь находится цирюльня, где Сефер-бей-заде встретил Хюсн-шаха и куда он часто заходит с друзьями; квартал Каба Сакал ("Густая борода") рядом с мечетью султана Ахмада — здесь живет мать Хюсн-шаха. А недалеко от мечети и тюрьме Мурад-паши находится дом ханым-эфенди. Кроме того, упоминаются мечети Шах-заде и Баязид и Египетский рынок. Топография Стамбула представлена очень хорошо.

⁴ 1 кошелек (*мисе*) содержит 40 тыс. акче (серебряных монет).

Место действия каждого отрывка конкретизировано, имеет свое "имя собственное".

Время действия также обозначено "именем собственным" — султана Осман-хана. В.Д.Смирнов добавляет: "какого — неизвестно, только, разумеется, не первого". Надо сказать, что и не третьего, который правил позже, чем была переписана рукопись (1754—1757). Таким образом, речь идет об Османе II и периоде с 1618 по 1622 г., но эти годы не могут считаться временем создания повести, так как в тексте время действия отнесено в прошлое. Кроме того, на л. 18 упоминается аудиенция у Мурад-хана-гази, которому в числе других красивых юношей был представлен Хюсн-шах. Имеется в виду султан Мурад IV, правивший с 1623 по 1640 г. При более глубоком изучении памятника могут появиться дополнительные данные для его датировки, пока же можно сказать, что время создания повести приходится на период с 30-х годов XVII в. по начало XVIII в.

Главные герои повести: Сефер-бей-заде — богатый сорокалетний стамбулец, в конце повести — купец с капиталом "80 кошельков акче", его приемный сын Хюсн-шах, шестнадцатилетний красавец — ученик цирюльника.

Героиня повести — двадцатипятилетняя вдова, ее имя не указано, ее называют "ханым-эфенди". У героини есть дом, слуги-рабы и служанки, 4 тысячи "французских золотых" и тысяч на пять золотых предметов. Эта молодая красавица грамотна: она пишет "слезами глаз своих" письмо возлюбленному. Образ вполне самостоятельной, грамотной, одинокой женщины, эмансипированной турецкой гетеры плохо согласуется с представлениями о мусульманке-затворнице, но перекликается с образом Махпейкяр, возлюбленной главного героя романа Намыка Кемалея "Сергюзешт-и Али-бей" (1840—1888) [1, с. 32—35].

В повести есть еще одно действующее лицо примерно того же социального положения, что и ханым-эфенди. Это ее соседка Канлы Гевхер, подруга одного из приятелей Сефер-бей-заде, помогающая ему проникнуть в дом ханым-эфенди.

Кроме этих двух молодых женщин в контакт с главными героями вступают три старухи: матери главных героев и сводня-еврейка. Многочисленные женщины Хюсн-шаха бессловесны, а служанки ханым-эфенди переговариваются между собой.

Из мужских персонажей повести надо выделить цирюльника (мастер-уста), владельца мейханы, юношу-армянина и его отца, бандитов из шайки венгра Юсуфа и друзей Сефер-бей-заде. Про друзей известно, что их "трое-четверо", их имена не названы, в разговор вступают редко ("один из них сказал..."), служат в основном фоном для главных героев.

Нетрудно заметить, что повесть густо "населена" действующими лицами, большинство их наделено прямой речью. Появление их обычно мотивировано (юноша-армянин пришел в мейхану за вином для отца-лавочника, у которого собрались гости; ханым-эфенди приводит служанок, чтобы одна из них играла на сазе. Сефер-бей-заде вспоминает о Канлы

Гевхер, когда ему нужно попасть в дом ханым-эфенди, живущей по соседству, и т.д.).

Особо следует отметить наличие двух конкурирующих шаек. Одной руководит венгр Юсуф, в нее входят минимум пять мужчин, названных поименно. Видимо, ханым-эфенди имеет непосредственное отношение к этой банде, появляющейся лишь на последних страницах повести, чтобы помочь героине расправиться с Хюсн-шахом и таким образом досадить ненавистному Сефер-бею-заде. Вторую шайку возглавляет сам Сефер-бей-заде. Об этом нигде не говорится прямо. Собственно, внимание автора сконцентрировано на перипетиях личной жизни Хюсн-шаха, внутренняя жизнь шайки не представляет для него интереса. Она существует как нечто само собой разумеющееся, не требующее специального рассмотрения. Мы узнаем, что в Стамбуле все знали Сефер-бея-заде, что люди боялись даже смотреть ему в лицо, что венгр Юсуф и его оставшиеся в живых подручные, узнав его, испугались и убежали. "Там, где ступала нога Сефер-бея-заде, трава не поднимается", — говорит о нем посетитель цирюльни, предупреждая своих друзей о том, что появляться здесь теперь опасно. Эти штрихи к портрету главного героя и говорят нам о его истинных занятиях, о его месте в общественной структуре города.

Социальная принадлежность действующих лиц очевидна — средние слои стамбульского населения: это владельцы лавок на Египетском рынке, брадобрей, владелец цирюльни, и хозяин питейного дома. Женщины, одинокие и состоятельные, принадлежат к тому же слою, три их них — вдовы (ханым-эфенди и матери главных героев), семейное положение Канлы Гевхер и старухи-сводни не указано, скорее всего мужей у них нет.

Возникает предположение, что автор, так хорошо знающий "быт и нравы", принадлежит примерно к тому же кругу, что и его герои, — если не к средним слоям стамбульского населения, то, уж во всяком случае, и не к высшим. В тексте не указано имя автора. Значит ли это, что он анонимен или повесть — плод коллективного труда?

Признаком фольклорного происхождения повести может служить язык, "хотя... сравнительно новый, но... в духе старинных сказок", с относительно небольшим процентом арабо-персидской лексики, с частым употреблением специфических "сказочных" глагольных форм, с несколько раз встречающимся оборотом "рассказчики рассказывают, что...".

Ни сюжет, ни время и место действия, ни действующих лиц нельзя назвать сказочными, фольклорными. Все — предельно конкретно, взято из жизни, из "криминальной хроники" того времени. Очень точно отражена в повести не только внешняя, но и внутренняя, "гаремная" сторона жизни горожан. Такая конкретизация бытовых реалий, времени и пространства — свидетельство литературного происхождения памятника.

По нашему мнению, повесть написана анонимным автором. Применение же "нелитературного" языка объясняется спецификой жанра, предназначением памятника. Для кого написа-

на повесть? Каков читатель-адресат? Ответить на этот вопрос нетрудно. Читатель (и слушатель) и герой повести представляют один социальный слой: горожане, посетители кофейни и мейханы, т.е. торговцы и ремесленники. Об этом нам говорят многочисленные приписки, да и не слишком изысканное оформление рукописи. И сама рукопись, и содержание в ней произведение предназначались для "грамотного простонародья" (по выражению В.Д.Смирнова); естественно, что написано оно языком, близким и доступным читателю.

До сих пор мы говорили о рукописи и о сочинении как таковых, не затрагивая вопроса об уникальности памятника, о его месте в турецкой литературе. Что касается наличия списков повести в других рукописных хранилищах, то мы не располагаем сведениями о них. И дело не только в том, что в доступных нам каталогах не встретилось "Сефер-бейзаденин хикайати", но и в том, что заглавие взято не из текста сочинения, а с "титulyного листа". Если и сохранились другие списки этого сочинения, то название они могли иметь другое или вообще не иметь его, особенно в случае включения в состав какого-либо сборника.

Каково же место "Повести о Сефер-бее-заде" в средневековой турецкой художественной прозе?

К настоящему времени в тюркологии прочно укоренилось мнение о том, что таковой не существовало вовсе, что художественная литература турок ограничивалась поэтическими жанрами, а проза была преимущественно научной, деловой [5, с. 21]. Такое представление не совсем верно: круг художественного прозаического чтения средневекового турка (причем только на турецком языке) довольно широк и разнообразен. Об этом нам говорят каталоги рукописных хранилищ мира.

Государственная Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина обладает небольшим собранием турецких рукописей — их всего 150. Из них 20 списков содержат 14 художественных прозаических произведений. Большинство их давно известно науке, но воспринимались они как отдельные явления, а не как звенья одной цепи.

Репертуар прозаической литературы можно рассматривать с разных точек зрения. Одной из них является источник произведения, его корни:

1) Сочинение может представлять собой обработку или перевод арабского или персидского. В ГПБ ими являются: "Хамза-нама" — двадцатичетырехтомное повествование персоязычного автора мавляна Хамзави; "Кисса-и Абу Муслим" — версия персидского народного романа о жизни Абу Муслима (ум. 755), организатора восстания в Хорасане, приведшего к установлению династии Аббасидов; "Давар-нама" — повествование о Даваре ибн Дарабе, имеющее персидские корни; "Хумайун-нама" — перевод с персидского языка сборника притч и басен "Анвар-и Сухайли"; "Хикайат-и кырк ва-зир" — перевод с арабского сборника "Арбаин сабах ва ма-са".

2) Сочинения собственно турецкие: "Газават-и Сайид

Батал-гази"; "Кисса-и Малик Данышменд"; "Сулейман-нама"; авторские сборники притч, рассказов, анекдотов — "Раз-нама" ал-Кафави, "Ибрат-нама" и "Латаиф-нама" Лями, "Аджаиб ал-масир ва гараиб ал-навадир" Сухейли. Любому из перечисленных произведений в большей или меньшей степени присущ фольклорный элемент.

Прозаическое сочинение можно рассматривать и с точки зрения адресата-читателя, которому оно предназначалось. Это либо "высокие слои мусульманской интеллигенции", либо "грамотное простонародье". Главным критерием при определении адресата является язык текста: соотношение арабо-персидского и турецкого в нем.

Как и в любой литературе, основным является деление на жанры, однако для средневековой турецкой прозы система такого деления еще не разработана. Условно, на основании формальных признаков (объема текста) мы выделяем крупные эпические повествования и предания ("Хамза-нама", "Сулейман-нама"), кисса и "народные романы" ("Кисса-и Абу-Муслим", "Кисса-и Малик Данышменд", "Газават-и Сай-йид Батал-гази"), рассказы, притчи и анекдоты ("Раз-нама", "Ибрат-нама", "Латаиф-нама", "Аджаиб ал-масир...", "Хумайун-нама", "Хикаят-и кырк вазир") [2, с. 61-64].

В.Д.Смирнов определил жанр "Сефер-бей-заденин хикайати" как повесть (в переводе заглавия), а дальше пояснил: "эпический рассказ в прозе".

Мнение В.Д.Смирнова следует признать верным, даже если исходить из формальных признаков жанра: объема (повесть меньше романа, но больше рассказа) и характера изображения жизни героев (роман — вся жизнь, во всяком случае значительная ее часть; рассказ — эпизод из жизни; повесть — цепь эпизодов).

Итак, "Сефер-бей-заденин хикайати" можно определить как чисто турецкую⁵ повесть, рассчитанную на грамотного среднего горожанина, в которой художественный, литературный, авторский элемент преобладает над фольклорным. Слова "в духе сказок" относятся более к языку памятника, чем к его сюжету. Этот простой язык объясняется не столько происхождением, сколько предназначением "Повести о Сефер-бее-заде". Повесть была написана автором, имя которого или не сохранилось, или его отсутствие объясняется спецификой жанра. Без полного историко-литературного изучения памятника невозможно его точно атрибутировать. В этом случае "большое значение имеет ограничение того круга, из которого мог выйти автор: ограничения хронологические, территориальные, социальные и т.д." [4, с. 342]. Мы уже определили этот круг — вторая половина XVII в., Стамбул, средние слои горожан.

⁵ На первый взгляд может показаться, что "Повесть" написана под влиянием западной средиземноморской литературы, но такое предположение нуждается в доказательствах.

1. *Васильева О.В.* "Повесть о Сефер-бей-заде" (XVII в.) и роман Намыка Кемаля "Приключения Али-бея" (XIX в.). — Ст. 1988, № 4.
2. *Васильева О.В.* Турецкие рукописи в фондах Государственной Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Художественная литература. — "Turcologica". 1986. К 80-летию академика А.Н.Кононова. Л., 1986.
3. *Велков А. и Андреев С.* Водни знаци в османо-турските документи. Т. 1. Три луни. София, 1983.
4. *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. 2-е изд. Л., 1983.
5. *Маштакова Е.И.* Турецкая литература конца XVII — начала XIX в.: К типологии переходного периода. М., 1984.
6. *Николаев В.* Водяные знаки Османской империи. Т. 1: Водяные знаки на бумаге средневековых документов болгарских книгохранилищ. София, 1954.
7. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 г. СПб., 1896.